

Сергей Герасимов

Чужие глаза

Сергей Владимирович Герасимов
Чужие глаза

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156424

Содержание

Чужие глаза	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Герасимов

Чужие глаза

Когда Маше исполнилось пять, отец подарил ей куклу по имени Фома. Когда ей исполнилось двенадцать – купил щенка сеттера, которых сдох шесть месяцев спустя. Когда исполнилось семнадцать – подарил ей голубой спортивный Мерседес. Из этих трех подарков больше всего Маша радовалась первому. Кукла по имени Фома до сих пор спала у нее под подушкой.

Она прекрасно умела водить и любила скорость. При этом она всегда оставалась аккуратной и внимательной. Поэтому, когда одним апрельским днем ее голубой Мерседес врезался в грузовик на окружной дороге, это стало для всех полнейшей неожиданностью. Больше получаса ее выковыривали из смятой металлической коробки, затем громкоорущая машина неотложки неслась по улицам города, заметная, как голый Архимед, выпрыгнувший из ванны, пролетая на полной все светофоры, распугивая прохожих.

Все оказалось на так плохо, в конце концов. Две операции не оставили следа на ее внешности, здоровье почти вернулось в норму. Шел все-таки 2061й год, и медицина умела многое. Вот только за руль она больше не села: сильное сотрясение мозга закончилось небольшим кровоизлиянием

в височной области. Может быть, поэтому, а может быть, и нет, Маша стала терять зрение. Поначалу она пробовала носить очки, которые оставляли неприятное щекочущее ощущение на переносице, так, словно оставались на ней даже тогда, когда сняты, но очки помогали мало. К середине августа зрение село настолько, что Маша едва могла отличить окно от стены.

Ее отец был владельцем банка, страховой компании и крупного завода по производству селеновых шариков. Поэтому деньги не были проблемой. Ее осмотрели в нескольких европейских клиниках, провели курс терапии стволовыми клетками, после чего зрение перестало садиться, но так и не вернулось. Она еще отличала включенную лампочку от выключенной, и день от ночи. Но на большее ее глаза не годились. Последней надеждой было протезирование.

Глазные протезы были очень надежными, хотя и весьма дорогими устройствами. Некоторые из них работали даже лучше, чем живой человеческий глаз. Они видели в темноте, имели системы приближения, увеличения, расширения диапазона. Предлагались также отдельные протезы сетчатки, протезы слепого пятна и отделов зрительного нерва. Но все это не подошло. Дело было не в ее глазах, а в ее мозге: что-то очень важное умерло там, и никто из врачей не знал, что с этим делать.

– Слушайте, может быть, вы сделаете мне протез головы? – спросила Маша то место, откуда доносился голос вра-

ча.

В принципе, современная технология позволяла и это. Врач задумался.

– Не советую, – сказал он, – в вашей прелестной головке осталось еще очень много нужных вещей. Не сомневаюсь, что они вам еще пригодятся.

Оставался еще один вариант: наружный зрительный протез. Неудобная громоздкая штука, которую можно включать лишь на время. Такой протез стоил на порядок дороже голубого Мерседеса. Но не было никакой необходимости покупать его: такой протез просто нанимали с почасовой оплатой.

В клиниках города имелось три наружных протеза, то есть, три специализированных робота, выполнявших функцию зрительных протезов. Двое роботов были выполнены в форме женщин, третий – в форме мужчины. Женщины были более старыми и не такими надежными моделями. Поэтому Маша выбрала мужчину.

– Подари мне эту куклу, папочка, – попросила она.

И папочка подарил.

Робот мог откликаться на любое имя, поэтому Маша назвала его Фомой. Фома имел разъемы в кончиках пальцев на левой руке. Аналогичные контакты были на Машином платье в районе талии. Поэтому, когда Фома клал ей руку на талию, она подключалась к его зрительной системе и видела мир его глазами. Нельзя сказать, чтобы это было уж очень неудобно. Маша вдвоем с Фомой совершенно не привлекали

внимания на улице, в магазине или в аудитории (Маша продолжала учиться на втором курсе академии); они производили впечатление влюбленной парочки и совершенно не отличались от других влюбленных парочек, гулявших по городу.

Маша не пожалела то том, что выбрала мужчину: роботы-женщины больше были похожи на поводырей, потому что они держали тебя за руку. Мужская рука на твоей талии – это гораздо приятнее.

Перед тем, как включить протез в первый раз врач заставил ее прослушать инструкцию и подписать договор.

– Я не понимаю одного пункта, – сказала Маша. – Почему мне запрещается смотреть на Фому?

– Вам не запрещается смотреть на него. Вам только запрещается смотреть на его лицо, а тем более на его глаза. Ваши глаза не должны встречаться. Это недостаток системы: как только ваши глаза встретятся, зрительный протез перестанет функционировать, случится сбой программы, многие квазинейронные связи просто перегорят. Глаза не должны смотреть сами на себя, это абсурд. Так эта штука работает.

– И он умрет, если я посмотрю? – удивилась Маша.

– Он ослепнет навсегда. Вы не должны даже видеть отражения его лица в зеркале. Гораздо лучше будет, если вы не станете смотреть на его фотографии или видео. Хотя последнее – на ваше усмотрение.

За месяцы слепоты она успела отвыкнуть от красочного мира, поэтому провела весь первый день гуляя по улицам и

паркам, заглядывая в дорогие магазины и даже покаталась на карусели.

– Как прошел день, рассказывай, – спросил отец вечером, за столом. Фому к этому времени уже отпустили. Возможно, сейчас он лежал упакованный где-нибудь в надежно запертом ящике или выполнял ночную работу с другой слепой девушкой.

– Весело, – ответила она. – Весело, но немного странно. Это все-таки мужские глаза, они смотрят иначе.

– Как иначе?

– Я смотрю на каждую девушку, которая попадает на глаза. Не то, чтобы это мне очень мешало, я думаю, что привыкну. Неужели все мужчины смотрят так?

– Все, – подтвердил отец.

– Я плююсь на всех существ приблизительно женского пола.

– Приблизительно женского?

– Ага. От маленьких девочек до почти старушек. Причем мне достаточно одного короткого взгляда, чтобы просканировать их насквозь. Через секунду я даже знаю, какого цвета у них нижнее белье.

Отец усмехнулся.

– Что еще? – спросил он.

– Если девушка идет ко мне лицом, я вначале смотрю на ее лицо, а потом на все остальное. Если спиной, то...

– То ты смотришь на то, что ниже пояса.

– Да. Я даже спросила его об этом, и он ответил, что это автоматическая реакция. Его тело скопировали с тела совершенно определенного молодого парня, а потом записали на мозг психику того же парня, один к одному, со всей паутиной, что была у него в голове. Они выбрали один из лучших экземпляров для этого дела, но даже самый лучший экземпляр это всего лишь мужчина.

– Просто попроси его не смотреть на других девушек, когда он с тобой.

– Он сможет?

– Сможет, поверь мне. Еще что-нибудь?

– Да. То место на моей талии, где он все время держит руку. Я продолжаю ощущать его пальцы, даже когда их там нет. Даже сейчас я чувствую его пальцы. Что-то вроде глубокой щекотки, не на поверхности кожи, а где-то глубже. С очками было то же самое: они щекотали переносицу, даже когда я их снимала. Это нормально?

– Нормально, – ответил отец. – Если ты не забываешь, что он не человек. Он даже не кукла. Он не более чем очки. Удобные очки в очень дорогой оправе.

* * *

Удобные очки в очень дорогой оправе. Умом она понимала, что отец прав и была полностью с ним согласна. Но ее тело не хотело соглашаться. Но ей было всего восемнадцать,

она была единственным ребенком богатого отца, а потому по необходимости всю ее жизнь взрослый мир влиял на нее куда больше, чем нужно, в ущерб влиянию мира сверстников. У нее никогда не было настоящих друзей, хотя при этом имелось несколько фальшивых, соглашающихся со всем, что она скажет, бескорыстно льстивых и не очень умных. У нее не было своего парня, надежного, как стена, к которому всегда можно прижаться плечом, чтобы почувствовать себя увереннее. А за долгие последние месяцы она вообще ни с кем не общалась, кроме отца и врачей, и оттого немного одичала, и начала ощущать нечто вроде тонкой прозрачной преграды между собой и другими людьми.

В первые дни с Фомой она была просто счастлива и узнавала мир заново. Но прошло совсем немного времени, и она начала скучать за ним. Ее тело воспринимало Фому как мужчину, скучало по его пальцам, а по ночам на всю катушку включало совершенно неприличные сны.

– Слушай, – однажды сказала она ему, – ответь мне, пожалуйста, честно. Ты дышишь, разговариваешь, у тебя растут ногти и волосы, ты ощущаешь боль. Если ты порежешь палец, у тебя пойдет кровь?

– Пойдет, – ответил Фома. – Я такой же, как вы, только немного прочнее. Моя внешность не отличается от человеческой.

– А твое лицо? Оно красивое?

– Разве ты не видишь, что девушки на меня смотрят?

– Они смотрят на тебя, потому что не знают, кто ты такой, – сказала Маша. – Твое тело человеческое во всем, все-таки или чем-то отличается?

– Я же сказал, что я прочнее. Я немного быстрее, сильнее, у меня лучше рефлексy, чем у обыкновенного человека. Да, еще я не умею плавать. Мое тело тяжелее воды, потому что в нем больше кремния, чем углерода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.